

ОТ АВТОРА
СКАНДАЛЬНОГО
БЕСТСЕЛЛЕРА "ДУРА"

Александр Дунаенко

ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНА

Меня потрясает проза Александра Дунаенко, наполненная истинностью и какой-то животворной жизненностью.

Мне кажется, что я смотрю уникальное художественно-документальное кино или читаю лучшие рассказы Шукшина или Белова, хотя мне кажется, что эти самобытные писатели уступают Александру по мощности таланта...

...эротические картины любви и просто связи с женщинами ЗАВОРАЖИВАЮТ и ПРИТЯГИВАЮТ... И нет в них ни тени отвращения, отталкивания и фальши...

Мне даже страшно, что Александрь Дунаенко недооценен, и что многие ценители литературы и умеющие читать и любящие книгу, так и пройдут по жизни, не познакомившись с его творчеством.

Надежда Либерман.

Александр Дунаенко — чудесный рассказчик! Он так легко владеет ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ словом, когда рядышком — и сленг, и чудная метафора («Когда стали вспыхивать в степных наших лесочках, то тут, то там желтые и багряные костры осенних причёсок на берёзах и клёнах...»). Я люблю его юмор, его точные детали, то, как он отписывает переходы от одного настроения героя к другому ...за то, КАК автор любит женскую красоту...

Людмила Волкова

Александрь Дунаенко

Идеальная жена

Летний дождь

Лето. Москва. Я ехал в автобусе на улицу Яблочкова, где собирался пожить короткое время. Автобус полупустой. Одна красивая девушка в тоненьком батнике и джинсах стояла у заднего окна. Глазами если так — быстро по салону пробежать — больше таких красивых не было. Длинные чёрные волосы, чёлка над яркими голубыми глазами. Мельком глазами встретились — и всё. Чужие люди. Разные дороги.

По крыше автобуса забарабанил дождь. Автобус остановился, и нужно было выходить, а тут дождь. Выскочил, пробежал под навес остановки. И красивая девушка тоже оказалась рядом. Вокруг уже настоящий ливень, идти некуда. И даже приятная получалась ситуация. Ведь нам, мужчинам, много ли нужно? Увидел красивые глаза, ноги, уши — и уже счастье. Шофёр в автобусе вешает перед собой фото красавицы из журнала не потому, что он её близко знает. Он её и не знает совсем. А повесил перед собой — и радуется всякий раз, как на неё посмотрит. Даже,

если женатый.

И совсем не обязательно, чтобы эта девушка была без одежды. Заглядываешь в её незнакомые глаза — и уже внутри делается как-то счастливо-щекотно. Для нас, мужчин, женщина — это уже произведение искусства. Никогда нельзя привыкнуть к её облику, никогда не надоест на неё смотреть.

И вот оказался я с таким произведением, можно сказать, под одной крышей.

Ничего удивительного, что разговорились. Мне было чуть за тридцать, я знал стихи, от которых девушки улыбались и просили почитать ещё. Стихов я помнил немного, но на один раз хватало.

И вот так, через стихи, через «хи-хи» познакомились. Зовут Оля. Замужем. Приехала в Москву на месяц, на курсы повышения квалификации. Живёт у подруги, хотя есть место в общежитии.

Я предложил добежать до моей квартиры и там переждать дождь. Оля согласилась не сразу, потому что сразу нельзя соглашаться на такие

предложения от человека, которого знаешь всего пятнадцать минут. Но через двадцать минут она уже заколебалась. Я так думаю, что мне удалось произвести на неё впечатление порядочного человека. Что, впрочем, всегда удаётся делать особо удачливым маньякам. Ну, и — мы побежали.

Я держал у нас над головой пиджак. Защита от дождя больше символическая, но важно, что я проявлял старания от него мою знакомую уберечь. Оба, мокрые до нитки, вбежали в подъезд, зашли в мою на первом этаже квартиру. Снимал я её за небольшие деньги, поэтому особым убранством квартира не отличалась. Поломанное кресло, поломанный диван, страшенький стол на кухне. Такой — гнутые трубки вместо ножек, сверху пластик. Как в столовой. Но — и креслом, и диваном и столом можно было пользоваться, если соблюдать известную осторожность.

Было всё время почему-то смешно. Что забежали в квартиру. Что оба мокрые.

Я предложил красивой Оле тут же снять с себя мокрую одежду — и под душ. Переодеться в то сухое, что я пока найду, а потом можно быстро просушить утюгом её вымокшие одежки.

Наверное, из меня получился бы маньяк экстра класса. Потому что Оля не сочла нескромным моё предложение. Как будто мы уже знали друг друга триста лет. Сразу побежала греться под душ. И вот мы уже на кухне. Оля в моём мохнатом халате, у которого, как я хорошо помню, сзади большая прореха. И мы пьём чай. И у меня никаких греховных мыслей, кроме, как уловить момент, когда в прорехе вдруг блеснёт фрагментик прекрасного тела моей гостьи.

Конечно, мне повезло. И я, даже раза два, или три испытал-таки это счастье.

Мы попили чай, высушили одежду. Дождь кончился, и я проводил Олю. Потом ходил по квартире, смотрел на ободранные обои, на разбитый линолеум, но, казалось, уже не замечал этого безобразия. Всё стало другим. Как будто светлее стало. Чище. Как будто пришёл батюшка и по всем углам святой водой побрызгал, освятил помещение.

Мы стали встречаться. Почти случайно. Оказалось, что Олина подруга живёт неподалёку от моего холостяцкого убежища, что у нас один общий продовольственный магазин, куда мы часто забегаем за молоком и булочками. И я как-то

увидел там Олю, сказал, что, если попробовать те же самые булочки у меня, они будут гораздо вкуснее. Оля ко мне проявляла обезоруживающую доверчивость, согласилась, пошла однажды кушать булочки.

Ох, как я по кухне забежался! Вспорол вакуумную упаковку на заграничном кофе, включил кофеварку. Булочки нарезал красиво овальчиками, зарядил в тостер. Оля сидела на хромом стуле, прислонившись к стене, улыбалась. На стене, на драных обоях была наклеена иностранная девушка без трусов. Нужно было бы чем-то занавесить — не успел. Да, ладно! Я доставал румяные булочные овалы, наносил на каждый небольшой кубик сливочного масла. Пока он таял, наливал своей гостье кофе. Сумасшедший аромат по квартире. Потом чуть молочка. Кубик сахара... Я же говорил, молоко и булочки у меня в квартире вкуснее...

Оля уходила, когда она уходила, я в полутёмной прихожей сделал попытку выразить свою благодарность за то, что... Да, не важно. В общем, сделал попытку. Женщина уже надела туфельки, собралась выходить, а я положил ей руку на талию. Не удерживая, но, как бы желая чуть приостановить. Заглянул в глаза, а рукой по талии

провёл осторожно, благоговейно.

Ах! Как я смотрел ей в глаза!

Ах! Какие чувства передавались мне от ощущения её прекрасного тела от подушечек, от кончиков пальцев, от ладони через руку, до самого сердца!

Я так думаю — Оле просто некуда было деваться и от взгляда и от прикосновения.

И от лёгкого нажима она уже придвинулась ко мне и даже чуть прижалась. Мы оба были молодые и не железные. Стали целоваться, и я уже смелее трогал, гладил, пока... Пока Оля, задыхаясь, не сказала: — Нет, не сейчас...

Видимо, информация, которая приходила от моих губ и прикосновений, уже содержала вполне определённые призывы перевести наши очень хорошие отношения на качественно иной уровень. Я, конечно, хотел сейчас. И, чем скорей, тем лучше. Но в делах сердечных никак нельзя забегать вперёд паровоза, можно всё загубить безвозвратно. Я отстранился тихонько, помог застегнуть на батнике пуговички. И нашёл, дал расчёску, перед зеркалом Оля привела себя в порядок.

— Я приду. Сама приду. Ты послезавтра вечером дома будешь?...

«БУДУ!!!» — всё закричало во мне. Но